III. СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

О «МОДНОМ» ПИСАТЕЛЕ 1820-Х ГОДОВ (Ш. В. Д'АРЛЕНКУР)

«Какой писатель нынче в моде?»
— Все d'Arlincourt и Ламартин. —
«У нас им также подражают».
— Нет! право? так у нас умы
Уж развиваться начинают.
Дай Бог, чтоб просветились мы! —
(А. С. Пушкин. «Граф Нулин». V, 7)

Объединение имен ныне вполне заслуженно забытого Шарля Виктора Прево д'Арленкура (d'Arlincourt; 1789—1856) и одного из поэтов, составляющих гордость французской литературы, Альфонса де Ламартина (Lamartine; 1790—1869) иллюстрирует не только весьма поверхностные представления графа Нулина о современной литературе, но и рисует действительную картину читательских пристрастий эпохи. Вышедший в 1820 году сборник стихов Ламартина «Размышления» («Méditations») имел громкий успех,[1] однако ему было далеко до популярности д'Арленкура. Творчество д'Арленкура — очень любопытное явление: писатель пользовался

[1] По мнению Ю. М. Прозорова, соседство имен Ламартина и д'Арленкура свидетельствует об ироническом нюансе пушкинской оценки творчества Ламартина (см.: *Прозоров Ю. М.* Классика: Исследования и очерки по истории русской литературы и филологической науки. СПб., 2013. С. 159). Пушкин высоко оценил сборник «Размышления», как и следующий поэтический сборник 1823 г., однако уже в этот период у него проскальзывают скептические замечания в адрес Ламартина (см.: *Вольперт Л. И.* Ламартин // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. 18—19: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 183—184).

Пушкинский кабинет ИРЛИ
© Н. Л. Дмитриева, 2022
DOI 10.31860/0236-2481-2022-36-118-121

невероятным признанием, его называли «князем романтиков» («le prince des romantiques»), и вместе с тем его романы были мишенью для язвительной критики, благодаря которой он получил прозвище «инверсивный поэт» («poète inversif»), поскольку ему было свойственно переставлять слова, нарушая обычный синтаксический порядок. Невероятные инверсии, злоупотребление пышными эпитетами, грамматические и стилистические несуразности — в этих свойствах стиля романа д'Арленкура «Пустынник» («Le Solitaire», 1821) «Journal des débats politiques et littéraires» от 22 декабря 1822 года видит вызов самим основам французского языка. Тем не менее роман «Пустынник» пользовался сумасшедшим успехом. Он был переведен на десять языков, в первый же год издания было осуществлено семь переизданий, появилось четырнадцать драматических адаптаций романа. 31 января 1822 года в Париже одновременно шли три пьесы по мотивам романа д'Арленкура. Мода на роман отразилась и в бытовой сфере: в разделе «Модная хроника» газеты «Miroir des spectacles» от 1 марта 1822 года писалось о том, что следы сочинения «автора эпохи», «писателя на века» можно увидеть в украшении интерьеров, экипажей, в ювелирных изделиях и даже в продуктах питания.[2]

Почти такая же картина наблюдалась и в России. В повести «Фауст» (1856) И. С. Тургенева читаем: «Очень забавляют меня шторы в моей комнате. Они когда-то были зеленые, но пожелтели от солнца: по ним черными красками написаны сцены из д'арленкуровского "Пустынника"». Далее следует ироническое описание сцен из романа, вполне верно отражающее развитие сюжетных перипетий: «На одной шторе этот пустынник, с огромнейшей бородой, глазами навыкате и в сандалиях, увлекает в горы какую-то растрепанную барышню; на другой — происходит ожесточенная драка между четырьмя витязями в беретах и с буфами на плечах; один лежит, en raccourci, убитый — словом, все ужасы представлены».[3] Читателей, однако, не смущало нагромождение невероятных событий и немыслимых происшествий. В России роман был неоднократно переведен: Пустынник дикой горы. Соч. виконта Д'Арленкура. СПб., 1824. Перевод Б. А. Врасского; Пустынник. Соч. виконта Д'Арленкура, автора Ренегата, Ипсибое и проч. М., 1823. Перевод

[2] О популярности романа «Пустынник» во Франции см.: *Lacoste C.* Un «succès pyramidal» du Solitaire du Vicomte d'Arlincourt // Littératures. 1974. Vol. 21. № 2. P. 165—176. URL: https://www.persee.fr/doc/litts_0563-9751_1974_num_21_2_1083.

[3] *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Соч.: В 12 т. М., 1980. Т. 5. С. 92.

М. Воронецкого;[4] Пустынник. Соч. виконта Д'Арленкура. СПб., 1824. Перевод М. Философова. Следующие романы — «Ипсибоэ» («Ipsiboé», 1823), «Ренегат» («Renégat», 1825) не могли затмить славы «Пустынника», но также пользовались большим успехом. «Московский телеграф» в 1825 году сообщает о выходе трех изданий его романа «Отчужденная» («L'Etrangère»).[5] Все эти сочинения вызвали появление пародий, что, впрочем, является признаком популярности. Успех романов д'Арленкура не ослабевает: в конце 1827 — начале 1828 года А. Воейкова сообщает Жуковскому о трех главных парижских сенсациях: это популярность жирафа — экзотического подарка египетского паши Карлу X, интерес общества к внебрачному сыну Наполеона I, Александру Валевскому, и появление очередного «сумасшедшего произведения» д'Арленкура, романа «Исмали, или Смерть и любовь».[6]

В России, как и на родине писателя, невероятный успех его романов сопровождался резкой критикой. «Сын отечества» помещает такую оценку: «...содержание и слог романов д'Арленкура представляет довольно образцов *чудовищного*. <...> Нынешние французские *романисты-романтики* без оглядки перешагнули за границу *эстетически возможного*».[7] Н. А. Полевой в «Обозрении русской литературы в 1824 году» сопровождает имя автора «Пустынника» эпитетом «ужасный».[8] В 1824 году П. А. Вяземский в статье, посвященной полемике вокруг «Бахчисарайского фонтана», упоминает произведения д'Арленкура: «У самого виконта Дарленкура не найдешь примера подобного сочетания слов и понятий несочетаемых».[9] В письме к жене от 21—22 июня того же 1824 года Вяземский иронизирует над восторженной записью дочери: «Вот что Машенька написала сегодня в альбум Пашеньке: Oh, que je suis transportée d'écrire dans l'album de ma sœur tendre (это à la d'Arlincourt), que je connais depuis l'enfance» (**«**О, с каким вдохновением я написала в альбом моей нежной сестре (это в стиле д'Арленкура), которую я знаю с детства» — *франц.***)**.[10] Понятие «роман д'Арлен-

---

[4] Неблагоприятный отзыв см.: Сын отечества. 1824. Ч. 92. № 8. С. 31—34.

[5] Московский телеграф. 1825. Ч. 1. Прибавление к № 3. С. 50; Ч. 2. Прибавление к № 7. С. 122.

[6] См.: Переписка В. А. Жуковского и А. А. Воейковой. 1811—1829. Томск, 2020. С. 169.

[7] Сын отечества. 1824. Ч. 92. № 8. С. 31—33.

[8] Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 1. С. 88.

[9] *Вяземский П. А.* Разбор «Второго разговора», напечатанного в № 5 «Вестника Европы» // Пушкин в прижизненной критике. 1820—1827. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001. С. 172.

[10] Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1909. Т. 5. Вып. 1. С. 17.

Пушкинский кабинет ИРЛИ

кура» становится своеобразным топосом, имеющим отрицательную коннотацию: «Прошу вас уделить несколько времени на просмотрение нашего альманаха; знаю, что для многих ваших товарищей танцы, карты, визиты, злословие, люди или даже новый роман Д'Арленкура дороже всякой русской книги».[11] Имя д'Арленкура упоминается в произведениях его современников — в «Утраченных иллюзиях» Бальзака, в «Отверженных» Гюго. М. Н. Загоскин в повести «Три жениха» (1835) для характеристики персонажей указывает на их увлечение романами д'Арленкура: «"Сцены из приватной жизни", сочинение г. Бальзака <...>. Говорят, что они очень интересны. — Но уж верно не так, как романы моего милого д'Арленкура <...>. — И я сомневаюсь в этом. Кто написал "Неизвестную", "Ренегата", "Ипсибоэ"... — А "Пустынника"!»[12] Загоскин даже приводит цитату из «Пустынника»: «Fuis, fleur de la vallée <Беги, цветок долины — *франц.*>... О, д'Арленкур! — Я читала, однако ж <...> в одном русском журнале, что этот Бальзак... — Ах, перестань, ma chère! <...> Что может сравниться с д'Арленкуром... Fuis, fleur de la vallée! — Это правда <...>. Кто читал "Ипсибоэ", "Ренегата" <...> и знает наизусть "Пустынника" <...> тому не скоро понравится какой-нибудь Бальзак. Да он же и старый писатель! Я еще ребенком слыхала о нем от нашего французского учителя. Какая разница мой милый д'Арленкур... Oh, fuis, fleur...»[13] О русских «подражаниях», о которых говорит Наталья Павловна в «Графе Нулине», в «Московском телеграфе» писал Н. А. Полевой: «С удовольствием скажем, что нынешний год кустарные изделия особенно русских переводчиков были не столь многочисленны, как прежде. Кроме немногих творений, перешитых на русский манер, а именно: "Двадцать один год" Монтолье, "Матильда при горе Хорив", "Новости" Жанлис, "Пустынник" ужасного д'Арленкура — охотники до произведений сего рода не получили ничего нового и должны довольствоваться изношенными ужасами прежних годов».[14]

Н. Л. Дмитриева

---

[11] *А. П.* [*Писарев А. И.*] Разговор одного из издателей «Драматического альбома» с будущим читателем оного // Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год. М., 1825. Кн. 1. С. 1.

[12] *Загоскин М. Н.* Собр. соч. М., 1901. Т. 10. С. 375.

[13] Там же. С. 376.

[14] Московский телеграф. 1825. Ч. 1. № 1. С. 88; см.: Две повести в стихах: Е. А. Баратынский. Бал; А. С. Пушкин. Граф Нулин. СПб., 2012. С. 259 (примеч. М. Н. Виролайнен). («Лит. памятники»).